

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке



Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две – нарядницы, затейницы, а третья – простоватая, и зовут её сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на всё готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, всё дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит:

– Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан; – другая дочь просит:

– Купи мне алой китайки^[1]; – а дура молчит да глядит.

Хоть дура, да дочь; жаль отцу – и её спросил:

– Чего тебе, дура, купить?

Дура усмехнулась и говорит:

– Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко.

– Да на что тебе? – сёстры спросили.

– Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка – за то, что я ей калач подала.

Мужик обещал и поехал.

□Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дура серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сёстры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу – приговаривает:

– Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки́ на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звёзды в хоровод собираются – так всё красиво, на диво – что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сёстры, а самих зависть берёт, как бы выманить у дуры блюдечко; но она своё блюдечко ни на что не променяет.

□Злые сёстры похаживают, зовут, подговаривают:

– Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдём, земляничку сберём.

Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сёстрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сёстры заступ схватили, дурочку убили, под берёзкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят:

– Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, её не нашли, видно волки съели!

Жалко отцу – хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сёстры

слезами обливаются.

□Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идёт по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под берёзкой в стороне, а на нём вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и – диво дивное, чудо чудное – дудочка сама поёт-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат – сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выпрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет.

– Люди добрые! – пастух говорит. – Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидал бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает.

□Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поёт: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».

– Веди нас, пастух – говорит отец, – туда, где срезал ты тростинку.

Пошёл за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасивые, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мёртвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил её? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сёстры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в тёмный погреб замкнули до царского указа,

высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

□ Скоро ли, долго ли – прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа:

– Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживёт, представь её нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сёстрами.

Старик радуется, в землю кланяется и домой везёт склянницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprиснул водой – встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь – как весенний цвет, очи – райский свет, по лицу заря, из очей слёзы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сёстер прогневался, а красавицу спрашивает:

– Где ж твоё блюдечко и наливное яблочко?

Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает:

– Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки́ль твои храбрые, корабли ли на́море, чудные ль звёзды на́небе?

□ Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки́ собираются со знамёнами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли

как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, всё из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке всё небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звёзды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льётся слезами, перед царём в ноги падает, просит помиловать.

– Царь-государь! – говорит она. – Возьми моё серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестёр моих, за меня не губи ты их.

Царь на слёзы её сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сёстер бросилась.

□Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо:

– Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?

– Царь-государь! – отвечает красавица. – Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу.

Отец в землю поклонился, послали за матерью – мать благословила.

– Ещё к тебе слово, – сказала царю красавица, – не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сёстры мои.

Тут сёстры ей в ноги кланяются.

– Недостойны мы! – говорят они.

– Всё забыто, сёстры любезные! – говорит она им. – Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!

Так сказала она, улыбнулась и сестёр поднимала; а сёстры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо всё в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, – кричат, – на многие века!»

[1] – Китайка – шёлковая, затем хлопчатобумажная лёгкая ткань.

(Голосов: **3**. Рейтинг: **4,33** из 5)

Загрузка...